

То, что он наступил на подол костюма Цзянь Дунлиня, стало причиной его падения. Потеряв равновесие, он начал спотыкаться о свой собственный костюм, несколько раз поскользнулся и инстинктивно потянулся к Цзянь Дунлиню, чтобы удержаться.

Но, то ли случайно, то ли намеренно, он отвел руку в сторону и даже слегка отступил назад.

Это было жестоко. Те, кто не видел, ничего не заметили, но Бай Чэн, случайно увидевший это, едва не закричал. Однако вместо крика из его рта вырвалось:

— Вот это да, чувак!

Не вините Бай Чэна за такой возглас, спросите любого на площадке, и они, вероятно, подумали бы то же самое.

Режиссер даже не понял, что произошло, как вдруг черная тень, словно в паркуре, перепрыгнула через стену и вылетела из окна, подхватив Се Синчжоу. Это было похоже на сцену из романтического фильма, но если бы поза спасателя была чуть более романтической, это было бы идеально. Но в реальной жизни, когда нужно спасать, нет времени думать о романтике.

Цзян Цзэ просто схватил Се Синчжоу за воротник и поднял его. К счастью, костюм был достаточно прочным, чтобы выдержать вес взрослого мужчины.

— Отпусти, быстро отпусти! — Се Синчжоу, встав на ноги, наконец пришел в себя и похлопал его по руке.

— А... — Цзян Цзэ.

Его лицо мгновенно покраснело!

Он только что, кажется, расстегнул одежду своего кумира, и с его угла обзора он мог увидеть что-то, эммм... Прекрати думать, прекрати, нельзя думать о таком, его кумир сияет, как солнце, как он мог его осквернить!

Цзян Цзэ хотел ударить себя, он сдерживался, но образ в голове не исчезал, и жар на его лице не спадал.

Ааааа! Хочется кричать, бегать по кругу!

— Синчжоу, ты в порядке?

— Быстро проверь, не ударился ли где?

— Уберите все с пола, перешейте костюм Цзянь Дунлиня, исключите опасность! Мы должны исключить опасность!

Люди опомнились и толпой ринулись к ним. Цзян Цзэ пару раз толкнули, и вскоре его вытеснили из толпы. Бай Чэн, у которого не было мозгов, реагировал медленнее всех, и, когда он наконец решил прорваться, люди уже образовали плотное кольцо. Эх, ладно, он подойдет позже, а пока попробует познакомиться с этим суперкрутым парнем и спросить, не в Удан ли он учился легким шагам.

— Парень, ты кто такой, как ты попал в нашу съемочную группу? Режиссер нашел нового статиста?

Цзян Цзэ никак не мог быть статистом! У него была только одна возможная роль — муж Се Синчжоу!

— Ты не видишь? — Цзян Цзэ мог быть героем только в своих фантазиях, он не смел осквернить репутацию своего кумира. — Удостоверение сотрудника.

Он показал значок на груди.

Бай Чэн взглянул и понял:

— А, инвестор. Те, кто носит такие значки, — это золотые папочки. Но, ладно, у меня уже есть папа, папа Чжоу любит меня, я не могу изменить ему.

Это еще неизвестно, возможно, тебе придется называть меня папой, так что это не ошибка. Цзян Цзэ снова представил себе сцену, где они уже расписаны.

— Нет, я просто обычный сотрудник, Синчжоу не как Цзянь Дунлинь, он не пришел с деньгами.

— Те, кто приходят с деньгами, не умеют играть.

Если бы этот торт не был таким большим, и он не боялся всех обидеть, Цзянь Дунлиня бы уже выгнали.

— Эх, ты прав, я пришел с деньгами, и я играю ужасно, — Бай Чэн был очень честен. — Но ничего, у меня есть папа Чжоу, он любит меня, и я смогу сыграть! В любом случае, с движением на сцене у меня проблем нет.

Цзян Цзэ посмотрел на него, его глаза снова стали острыми.

Хотя Бай Чэн постоянно называл его папой, они были ровесниками, и он выглядел неплохо, плюс постоянно говорил о любви. Цзян Цзэ чувствовал угрозу. Его глаза потемнели, в них закружились тучи:

— Если называешь папой, то веди себя как сын, понял? Те, кто изменяет, — подлецы, и их поразит молния.

Цзян Цзэ намекал.

Бай Чэн не совсем понял, но он боялся быть обвиненным:

— Нет! Я верен своему парню! Если бы он не уничтожил мои руны, я бы не стал публично с ним расставаться! Это просто ссора! Я люблю только его!

Хорошо, хорошо, отлично, раз у тебя есть любимый человек, это прекрасно!

— Да, вот так правильно! — Убедившись, что соперника нет, Цзян Цзэ не хотел больше с ним разговаривать. Он посмотрел на своего кумира издалека и, не задумываясь, раздвинул толпу. — Отойдите, отойдите все! Вы не понимаете, что человеку, пережившему шок, нужен свежий воздух!

Режиссер уже хотел накричать, кто это такой наглый, что толкает их, но, увидев, что это их спаситель, который помог им избавиться от давления капитала и вернуть Се Синчжоу, он смягчился.

— Благод...

Цзян Цзэ холодно посмотрел на него.

Режиссер, ах, он забыл, что главный инвестор хотел оставаться простым человеком, чтобы наслаждаться обучением вместе со своим Синчжоу. Ладно, мысли богатых людей им не понять, но, если это игра, они справятся!

— Врач, которого мы пригласили, профессионал, слушайте его, расходитесь.

Цзян Цзэ смотрел с недоумением, не понимая, при чем тут врач.

— Брат, они что, с ума сошли?

Чтобы сохранить свою маскировку, он начал сваливать вину на других.

Се Синчжоу без тени смущения кивнул:

— Наверное, иначе зачем бы они решили, что ты врач? Ты же совсем не подходишь для этой роли, ты можешь перепутать цифры в задачах, неправильно прочитать слова в тестах, ты слишком невнимателен. Что, если ты оставишь скальпель в животе пациента? Это невозможно, нужно думать о пациентах!

Цзян Цзэ, он не хотел, чтобы его ругали! Но, если это говорил его кумир, даже ругань была сладкой.

— Это моя вина, я плохой, — Цзян Цзэ был очень расстроен.

Он опустил голову, и его маленький хвостик на затылке задрожал, что выглядело очень мило и вызывало желание потрогать.

Се Синчжоу погладил его, и его ладонь защекотала:

— Быть врачом слишком тяжело, я эгоист, не хочу, чтобы ты так мучился, живи счастливо.

Се Синчжоу сказал это неосознанно.

Цзян Цзэ почувствовал, как его сердце забилося быстрее, и запомнил эти слова.

Эгоизм — это нормально для каждого человека, но обычно он проявляется только по отношению к близким. Независимо от того, осознавал ли это Се Синчжоу, в каком-то смысле он уже включил Цзян Цзэ в круг своих близких.

Это было очень приятно, очень-очень приятно, как будто после долгого восхождения на гору он наконец увидел рассвет.

— Что бы ты ни сказал, все правильно, — Цзян Цзэ украдкой потянул его за руку, и, не встретив сопротивления, потянул за одежду. — У вас на съемках так опасно? Что, если ты упадешь, и эти вещи повредят глаза?

— Это просто случайность, — Се Синчжоу взглянул на Цзянь Дунлиня.

Тот стоял в углу, выглядел испуганным, но его глаза были холодны и безжалостны, что вызывало ледящий душу страх. Се Синчжоу знал, что он намеренно избежал его руки, и,

судя по его поведению, Цзянь Дунлинь, вероятно, сделал это специально.

В прошлой жизни он мог намеренно причинить ему вред, и в этой жизни тоже, но...

Назовите его святым или глупцом, но двадцать один год родственных связей означал, что некоторые вещи, даже если их нужно было сделать, должны были быть сделаны его руками.

— Это я был невнимателен, в следующий раз буду осторожнее. В каждой профессии есть свои опасности, нужно их принять и избегать.

Цзян Цзэ, следуя его взгляду, немного понял ситуацию, но он никогда не вмешивался в решения Се Синчжоу. Пусть делает что хочет, а он будет убирать за ним последствия.

— Я понял, — Се Синчжоу повел его в сторону. — Я могу немного посидеть здесь? Сегодня суббота, домашку можно сделать позже.

— Сиди, сколько хочешь, пообедай перед тем, как делать уроки. Брат Лан еще здесь? Если нет, то...

Се Синчжоу почувствовал, что ему нужен помощник, иначе, когда он будет занят, некому будет позаботиться о Цзян Цзэ. Он еще ребенок, даже если его рост уже 188 см, ему всего восемнадцать.

Цветущий возраст, когда можно быть импульсивным и иметь бесконечный запас энергии.

Нельзя отрицать, что, увидев Цзян Цзэ и почувствовав, как он его поднял, Се Синчжоу испытал невероятную радость.

После этого инцидента режиссер дал всем десятиминутный перерыв. Бай Чэн, сидя, не мог усидеть на месте, он думал и думал, и в конце концов решил, что нельзя просто так оставлять это дело. Се Синчжоу должен знать, иначе это слишком опасно. Человек, который может оставить другого в беде, наверняка будет строить козни за спиной.

<http://bllate.org/book/16426/1488805>